

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

М. Мосс

УЧЕБНИК ЭТНОГРАФИИ

Перевод фрагментов М.Н. Пророковой

Аннотация. Предлагаю к рассмотрению перевод ранее не переводившегося на русский язык произведения Марселя Мосса — двух разделов его «Учебника по этнографии» (1967, Edition Payot, Paris), а именно — основную часть разделов эстетики и религии с подобочными разделами касательно игр и ритуалов.

Ключевые слова: философия, этнография, антропология, религия, ритуал, эстетика, игры, общество, традиция, культура.

Mauss Marcel. Manuel d'ethnographie. Paris: edition Payot, 2002.

Эстетика

Эстетические феномены образуют одну из крупнейших областей человеческой активности в социуме: вещь является прекрасной, акт является прекрасным, слово прекрасно — когда красота оценена массой людей. Это то, что называют грамматикой искусства. Все эстетические явления в какой-то степени социальны.

Различить эстетические феномены и технические феномены — непростая задача по определенной причине: техника всегда есть серия актов, принятых традицией; серия можно сказать органических связей, предназначенных произвести эффект — не только эффект *suī generis*, как то в религии, но эффект физический. Эстетическое деяние очень часто включает в себя объект. Различение между техниками и искусствами, особенно когда речь идет о создателях произведений искусства, является различием в психологии коллектива: в случае, когда объект сфабрикован и помыслен через взаимоотношение со своим физическим началом; в другом случае, он сфабрикован и помыслен через поиск эстетического восприятия.

Чужой может разузнать об эстетических категориях, расспросив сперва актора или автора. Техника присутствует в искусстве и существует техническая архитектура, но эстетический объект узнается по понятиям более сложным, нежели понятие пользы.

Прежде чем появляется пластика, возникает понятие равновесия, следовательно, и понятие ритма. Прежде чем появляется ритмика, появляется искусство. Как социально, так и индивидуально, человек есть ритмическое животное.

Понятие полезности характеризует понятием техники; понятие (релятивное) отсутствия утилитарности характеризуется понятием эстетики: эстетический факт всегда репрезентирован в мысли людей формой игры, вдобавок, формой изысканности.

Где находится эстетическое? Прежде всего в ансамбле техник и особенно в высшей технике: одежда украшена несколько более пышно, нежели то требовалось бы от средства защиты, дом является эстетическим творением, корабль зачастую декорирован. Во всех популяциях, которые нас интересуют, украшение имеет техническую составляющую, к каковой присоединяется сверх того религиозный элемент, репрезентации и балансы.

Эстетическое способствует эффективности в той же мере, сколь и ритуал (число чисто мирских составляющих ограничено).

Напротив, всегда есть элемент искусства и элемент техники во всех объектах культа.

Один из лучших критериев выделения эстетического в объекте, в акте, это аристотелевское определение — понятие *theoria*: эстетический объект является объектом созерцания, в эстетике всегда присутствует элемент созерцательности, безотлагательного удовлетворения желания, радости чувственной, но незаинтересованной. Во всех обществах находят способность к незаинте-

ресованности, чистой восприимчивости, в самом природном смысле.

...Эстетика может быть очень развернутой: эстетика игры, эстетика танца, эстетика в своей собственной активности. Часть, касающаяся ритма, состоит в репрезентации активности самой по себе. Изучать эстетические феномены, значит изучать прежде всего сторону объекта и сторону активности. Можно измерить долю эстетической активности в каждом объекте.

Мы определили технический феномен как состоящий из актов, конкурирующих с физическим и химическим началом.

Мы определили эстетический феномен через присутствие понятия прекрасного: невозможно добиться определения прекрасного, лишённого субъективности. Надо перечислить все игры, все виды творческой активности, где удовольствие соотносится с красотой, начиная с окрашивания и заканчивая живописью.

Другая формула позволит определить прекрасное через понятие удовольствия и радости, порой — утонченности невероятно интенсивной. Энтузиазм и катарсис: у индейцев зуни (Центральная Америка) существуют праздники, заканчивающиеся всеобщей чистой посредством рвоты.

Другое определение также есть определение ритма, именно такое как используется Вундтом на протяжении всей работы «Элементы этнопсихологии»¹.

Боас в своем «Примитивном искусстве»² связывает все искусство с ритмом: т.к. там, где есть ритм, всегда есть эстетика; там, где есть тона, вариации, лады, интенсивность, всегда есть эстетическое.

Проза прекрасна лишь тогда, когда она несколько зарифмована и пропета. Разница в тонах, в ладах, в чувствительности — все это касается ритма, все это искусство.

Наконец, в большинстве обществ, изучаемых этнографами, существует важный феномен - смешение искусств.

Большая часть искусств задумана людьми тотальными: декорация всегда соотносится с декорируемой вещью.

Важность эстетического феномена во всех обществах, которые мы определили, значительна. Наши общества на современном этапе находятся в

состоянии регресса по сравнению с предыдущими цивилизациями. Прекрасное наблюдение этого сделано Робертом Смитом (о грустном характере пост-авраамической религии и о радости язычества³).

Вторая форма изучения эстетики заключается в детальном рассмотрении наблюдаемого общества, в укреплении понятия прекрасного, которое не находится во всех классах общества одинаковым образом, и примыкает к различным объектам.

Эстетика всегда допускает примесь сенсорного удовольствия. Без него не существует прекрасного: большое австралийское племя корробори называют это «то, что распутывает живот». Надо наблюдать во всех эстетических феноменах проблему смешения искусств: у корробори, во всем, включая живопись, изображение людей, изображение вещей.

Условлено изучать каждое искусство, каждую систему искусства, каждое смешение искусств, все возможные точки зрения и прежде всего психофизиологическую и точку зрения восприятия цвета⁴.

Наблюдению подлежат далее контрасты, гармонии и дисгармонии, ритмы и соотношения ритмов, репрезентации и соотношения между ритмами и репрезентациями; изучение это сложное, но интересное: графические искусства, и гораздо более сложно то, что касается искусств звуковых.

Надо анализировать в обществе тонкости восприятия: многие индивиды крайне восприимчивы, другие же остаются неразвитыми. Изучать, наконец все эмоции: эмоции автора, актера, слушателя, зрителя. И также совокупность всего этого с основными принципами психофизиологии.

Отметить творческую способность, тайну интуиции и творение ex nihilo. Как может быть разобрана песня? Известно в общем кем обнаружена, где и в каких условиях, есть — ли модификации в старом тексте или старой песни.

Записать также все со стороны социологии эстетических феноменов, роль праздников в публичной жизни. Сюда входят ярмарки, развлечения, игры. Все это сосуществует с эстетическими феноменами в связи часто трудно распутываемой. Религиозная важность эстетических феноменов,

³ Robertson Smith (W.) Lecture on the Religion of the Semites, Londre 2 ed., 1894

⁴ См. номер «Психологического журнала» посвященный психологии искусства (январь-март 1926 г.).

¹ Wundt (W.) Elemente der Völkerpsychologie. Leipzig, 1912.

² Boas (F.) Primitive Art. Oslo, 1927.

сродство с эстетическими феноменами. С этого начинается теория коллективной репрезентации искусства.

Здесь рассказывается большая теория, к которой мы уверенно прикрепляем доктрину Пресса об общих источниках религии и искусства: религиозный источник искусства, и религия, происходящая из искусства.

Так определяется и очерчивается эстетическая феноменология, изучается наконец их этнографический аспект, т.е. цивилизационная история искусства. Большая часть нашей истории цивилизации составлена историей искусства, часто потому что это нас интересует больше прочего.

Картография пластического искусства представляется абсолютной необходимостью: часть типографии не изучена удовлетворительно. Так, форма многих объектов характеризует общество: например кувшин с клювом, заимствованный у кельтов. Это ансамбль типологических контактов, который позволяет набросать ансамбли, где слои последовательны и преемственности цивилизаций. Но надо искать в то же время то, что отличает эпоху или общество: общие элементы, элементы различающиеся или индивидуальные.

Лицо искусства в обществе должно быть установлено в целом, с чистыми характеристиками: нужен индивидуальный портрет.

Это установлено, изучается каждый эстетический феномен и прежде всего объекты. Изучение эстетики часто заключается в простом коллекционировании. Собирают все, включая то, что легко подобрать и в частности украшения. Украшения, даже самые примитивные, являются искусством, наряды являются искусством. Изучаются также все составляющие убранство: вышивки, крашения из перьев и пр. Большое число искусств являются искусствами роскоши, где эффект богатства, ценности, частично является основным.

Есть удовольствие в вещах и удовольствие в использовании вещей: нефрит — одна из наиболее прекрасных материалов, которые существуют. Одежда — почти всегда пышность. Впечатление роскоши играет большую роль в понятии искусства.

...После перейдем с живописи и скульптуре. Под скульптурой понимается несколько иное, нежели то, что мы привыкли слышать: мы имеем различие круглой скульптуры, которая здесь приравнивается к статуе; декорированная свая, декорированная трубка — это тоже своего рода скульптура.

С другой стороны, не одна только материя составляет объект искусства — предмет не является объектом искусства только потому, что он сделан из мрамора.

Надо изучать все, что возможно изучить на месте: по крайней мере касательно объекта самого по себе, отправить фото или чеканку, зарисованную с фото (к примеру, рисунков на теле).

Надо взять все предметы обихода, один за другим, и спросить информатора, являются ли они прекрасными. Свистульки считаются произведением искусства по всей Америке.

Прежде всего, объект искусства скрывает сигнификацию, форму, подаренную символом.

Мы изучаем символизм, начиная с понятия чистого символа математического типа; но то, что характеризует символ, есть средство помыслить вещь через другую вещь. Речь идет о том, чтобы помыслить вещь, которая обозначает объект искусства; это язык, который предстоит расшифровать.

Наконец, множество объектов искусства представляют религиозную ценность: почему? И также экономическую ценность: почему?

Тщательно изучаются все обстоятельства, окружающие каждый объект, каждое событие искусства: где, кто, когда, как что, для кого, для чего. Объект искусства выделяется через признание таковым определенной группой. Надо анализировать восприятие индивида, использующего этот объект.

В этом исследовании, более чем в каком бы то ни было другом, европейскому наблюдателю стоит остерегаться собственных суждений. Сумма форм должна быть проанализирована аборигеном, с точки зрения его визуального смысла.

После всеобщего анализа переходят к анализу (всегда осуществляемого аборигеном) каждого мотива и системы мотивов.

И также изучаются детали различных сюжетов, объекты которых сложносоставны, а после переходят к изучению типа, т.е. совокупности объектов. Эстетический объект всегда входит в ансамбль: таким образом, есть общая форма, есть тип. И тогда как большинство объектов представляют один и тот же тип, можно сказать, что этот тип более или менее распространен в данной индустрии данного общества. Мы подходим здесь к типологии, начиная с которой можно изучать отношения между искусством и обществом.

Все эстетические явления разделяются на две группы: явления чистого искусства и игры; все

эстетические феномены суть игры, но не всякая игра обязательно является эстетическим феноменом.

В явлении искусства, к понятию увеселения, относительно незаинтересованного удовольствия, прибавляется восприятие прекрасного. Мы можем также достаточно хорошо различать искусства и игры через серьезный характер первых.

Приятная активность игры, серьезная активность искусства. Игры составляют часть эстетики, они являются средством учредить незаинтересованное удовольствие, это традиционные акты, общие факты в коллективе.

Разделение искусств, предложенное Вундтом, достигается через пластические искусства, под которыми понимается музыки и танца, и искусства идеальные, где идея направляется автором или зрителем. Но я не вижу здесь, чего-то кроме нашей педантичности, выраженной в материи искусства. Японцы не видят никакой разницы между живописью и макияжем.

ИГРЫ

Игры являются традиционной активностью, имеющей в основе чувственное удовольствие и в некоторой степени эстетическое. Часто игры имеют в источнике своем предметы и многочисленные воспитанные разновидности активности, ритуальные или природные, возможные прежде всего в избытке активности, из которого состоят игры.

Они распределяются по признакам возраста, пола, преобладания, времени, территорий.

Сбор информации об играх начинается с рассмотрения психофизиологической активности игры: действия, усталости, передышки в игре, удовольствия от игры. Отношения между телом и духом в игре подлежат изучению (здесь, в отношении психофизиологии и психосоциологии также: люди, с которыми я играю, — являются или нет моей семьей?).

В играх на ловкость также играют роль техники тела.

Кулан делит игры на ритуальные и не ритуальные; азартные и те игры, что не принадлежат к таковым; игры на ловкость тела и ловкость рук. В этой классификации не хватает понятия агонистического, также необходима постановка вопросов в отношении игры, которые мне кажутся наиболее важными: игры являются азартными или нет? Противостоят два лагеря или два индивида?

Определения пересекаются: игры ритуальные и не ритуальные, мануальные или устные (мануальные и устные могут как быть ритуальными, так и не быть таковыми).

Игры разделяются также на публичные и приватные — эти последние подразумевают минимальный уровень социального.

Мануальные игры удобно разделить на игры на ловкость, азартные или нет, игры на угадывание; и игры на удачу в чистом виде, которые практически всегда также являются играми на ловкость.

Иная классификация разделяет игры относительно игроков: пол, возраст, профессия, социальные классы. Игра, в которую я играю также в определенном сезоне, в определенном месте (многие игры являются играми сугубо ночными). Часто игры происходят в публичных местах и местах сакральных. Многие охватывают все население.

В изучении каждой игры обращают внимание на смешение с ней искусства, религии, драмы; соотношение устного с мануальным.

Другое разделение разграничивает предыдущие: многие игры являются подражанием полезным занятиям: но в этом значении подражания нужно еще различать настоящее подражание, голосом или руками.

Многие игры весьма просты, имея отправным пунктом своим взрыв смеха, эффект сюрприза; другие гораздо более многосложны (такие как драматические игры).

Драма всегда мимична и может распространяться довольно широко.

Здесь я классифицирую живых животных, представленных в качестве игрушек, точно как по типу детской жестокости.

Другие игры направлены к вершине интеллекта: счет, «палочки», «бабки».

Примитивные формы шахмат отмечены на Северо-Востоке Америки Тэйлером, «бирюльки» являются там также распространенной игрой. Во все это вмешивается элемент гадания, даже в космологическом аспекте; в стороне от игр на ловкость чистую и простую, такие как мора или загадки.

Можно классифицировать игры по их важности, по присутствию элемента предсказательности и результата, которые игре в себя включают. Весьма часто в игре возможно определить удачу, сноровка отчасти тоже есть результат удачи.

Игра в волчок в Америке считается религиозной игрой.

Наконец, индивидуальные игры могут быть весьма серьезными, как то замечено у племени канаков или папуасов, где будущий воин-барабанщик репетирует сам для себя на протяжении всего сезона.

Мануальные игры

Таковые предполагают максимум телесного усилия. Они сообщаются с устными играми. Игры материальные и мануальные не разделяют: максимальное количество игрушек представлено Северной Азией и Дальневосточной Азией.

Игра наиболее широко распространенная, засвидетельствованная повсюду, это *cat's cradle*, или игра в шнурок. Она является одной из наименее поддающихся описанию. Исследователь должен научиться выполнять каждый шаг, чтобы смочь произвести все движения кряду. Используются словами и рисунками, кино смешивает фигуры. В отношении рисунка, фиксируют каждую позицию нити на каждый момент, также смысл, по которому нить приведена в движение к следующей позиции. Литературное описание прибегает к помощи краткого словаря: все, что происходит с внешней стороны руки, называется тыльным, все, что происходит со стороны ладони, будет называться ладонным; каждый палец имеет также сторону тыльную и внутреннюю; движение по направлению к мизинцу называется радиальным, к большому пальцу — лунообразным; наконец, позиции веревки через содействия пальцев могут быть непосредственными, это значит на ладони или на периферии, на самых кончиках пальцев. Этот перечень может распространяться с тем же успехом на все, касающееся ремесла корзиноплетения, канатного производства и плетения.

Материальные игры разделяются также на игры перманентные и не перманентные, на игры детей и игры взрослых.

В материальных играх в первом ряду оказываются все предметы для музыкальных игр: трещотки, кастаньеты и пр.; игры с участием оружия и биты; все игры с волчком и дьяболо; игры в мяч, распространенные по всей Америке; все игры с отполированными камешками, классики (парижские дети, играя в классики, имитируют «восхождение к небу»).

Игры в мяч, практикуемые взрослыми, как правило, являются ритуальными: игры на сноровку, на силу, подчас коллективные — они имеют

непосредственную связь с социальным престижем, вызываемым командой, одерживающей победу; речь идет о том, чтобы выиграть, быть самым сильным, быть чемпионом. Элемент предсказательности примешивается ко всему вышеперечисленному: на стороне выигравшей стороны боги, боги играли вместе с ней (также, как и в войнах — боги воюют наряду с людьми)

В играх с мячом обозначают месторасположение и условия состязаний⁵. Большая часть крупных племен центральной Америки сакрализуют игру в мяч, основные ритуалы частично соотносятся с игрой в мяч.

Игры на ловкость вроде залезания на столб за призом или вроде воздушного змея в равной той же степени ритуальны⁶.

История королевской семьи Сиама связана с историей воздушного змея. Пробеги и состязания с воздушными змеями характерны для всей тихоокеанской области и области Индийского океана. Бильбоке существовало в мадленскую эпоху, в настоящее время эта игра встречается у эскимосов.

В игре с диском, который надлежит потыкать на лету, диск символизирует солнце.

К мануальным играм также относятся атлетические, индивидуальные и коллективные, такие как перетягивание каната, закидывание мяча в корзину.

Поло отсылает нас к персам и ведет происхождение от шахмат; тогда как водное поло является малайским изобретением.

Устные игры

Я буду очень краток в отношении устных игр, потому как мы ознакомимся с ними при разговоре о литературе.

Кустным играм относятся все гадания, загадки, подбор рифмы, все игры со словами, включая скабрзности и соревнования в сквернословии.

Все это имеет в истоке литературу; песни (а значит и литература), сопровождают почти любой танец.

⁵ Sur le valeur ritual du jeu de balle, cf. Blom (Fr.) The maya Ballgame Pokta-pok, the Tulan University of Louisiana New Orleans Karsten (R.) Ceremonial Games of the South American Indians, Helsingfors, Leipzig (s.d.)

⁶ Cf Larsen (H.) Mexican Indian Flying Pole Dance. The national Geographical Magazine. LXXI 3, mars 1937, p. 387-400.

Существование категории «азартных игр» имеет какую-то ценность только для нашей цивилизации: мы изобрели новые категории духа. Во все других краях азартные игры являются помимо этого еще и играми на ловкость: игра в кости распространена по всей Африке⁷.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ФЕНОМЕНЫ.

Весь представленный в этой части материал завершает изучение материальных явлений и ведет к явлениям идеальным.

И также — глава о праве, предшествующая главе о религии. Право, в которое входят предметы, люди и действия — *res, personae, actiones* — завершает материальную часть. Фундаментальной ошибкой аналитической социологии является эффект забывания того, что в коллективной жизни есть *вещи*, материальные факты; философия, которая берет менталитет как вещь, данную саму по себе, забывает, что эта вещь не дана иначе кроме как в соотношении с фактами. Право само по себе существует как управление вещами и индивидами.

Без сомнения, в своем моральном аспекте, оно уже относится к идеальному: если я владелец дома, то ваше знание о моем владении — феномен морали, но ведь есть еще и сам дом..

Наряду с этим, огромное число юридических явлений касаются не только вещей, но и отношений между людьми и вещами. Таким образом, в морали, вместе с материальными актами существует управление аффектами; управление также представлено в религии, где тем не менее масса ментальных явлений появляется относительно чистыми — относительно, т.к. ментальность никогда не «чиста», но наконец, речь идет о разделении души и тела в той мере, в которой это возможно. Вот почему изучение религии идет в конце.

Вне сомнений, религиозная идея выражается всегда в первую очередь лингвистически; после — через ритуал, подчас материального характера. Но в целом, здесь есть тенденция к чистоте темы.

Мы не станем настаивать на чрезмерной важности религиозных явлений. В большинстве человеческих сообществ, наблюдатель находится в позиции *homo religious*, человек религиозного; также членов внеевропейских обществ можно

охарактеризовать вот чем: они ищут самих себя в самих себе.

В нашем же обществе, где религия не больше чем одна категория среди прочих категорий, *homo religious* уступает, но не *homo faber*, а *homo economicus*: речь идет не о том, чтобы делать, но о том, чтобы оплачивать работу — т.е. о том, чтобы не делать.

Homo economicus есть в общем недавнее явление, оно датировано Мандевилем и Басней о Пчелах, пришедшим после Грешама и Пипса: «человек экономический» отсылает нас к Англии. Сравните, во Франции, обитателей городов с обитателями деревень: крестьяне занимаются своими коровами, позиция *sine qua non* к их прибыли, но они хранят источники от своих коров...; в то время как доминирующим занятием городских жителей является экономика, но в ее эстетической активности. Напротив, я вспоминаю того хопи, главу братства Огня, которого я видел в Вашингтоне; этот человек, рекордсмен по бегу, мне сказал: «Я могу бежать, потому что не прекращаю мою песню огня»; он был убежден, что огонь сияет ему вслед. Явления подобного порядка наблюдались в Австралии. Сходные верования не исключают точных знаний: человек палеолита тщательно выбирал камни, которыми предстояло выточить наконечники стрел; «примитивные» современности в совершенстве владеют точными знаниями по этноботанике, этнозоологии. Во всех их действиях, активность научная и техническая сочетается с религиозной.

Со своей технической активностью они сочетают активность моральную (лишь для того, чтобы прокормить своих детей человек охотится); но два аспекта различны по своей природе и потому, что они так различны, мы должны их изолировать. Как бы то ни было, к технической активности не примыкает активности экономической. Эта суперпозиция касается экономической ценности, ценности религиозной и ценности моральной, активности сугубо технической и является важнейшим явлением человеческих сообществ. Позволительно распределять человеческую активность.

В этом распределении является основная работа наблюдателя, который силится прежде всего записать соотношение религии ко всем иным социальным фактам. Нельзя обойтись без идеи о том, будто то, что он наблюдает, игнорирует принцип противоречия. В этом

⁷ Cf Culin (S.), Mancalah, the National Game of Africa, Rep. US National Museum, 1893, Philadelphie, 1894.

отношении существует анимистская и натуралистская позиции.

Многие отрицают принцип противоречия у «примитивов». Кажется, скорее категории функционируют в человеческом духе диковинным образом: здесь у нас, на Западе, мы замечаем противоречия — другие их не видят — вот и все.

Не будем забывать также, что вплоть до 16-го века, следом за Платоном, думали будто человек может видеть потому, что его глаз обладает способностью направлять луч света на предметы; что свет имеет внешний источник; еще недавно ученые официально отказали тезису Луи де Брогли, потому что «невозможно», чтобы физика разом была корпускулярной и волновой. Теория цветов поменялась полностью 2 раза за 60 лет. Множество концепций, которым мы присудили противоречивость, могут сочетаться в будущем. Фактически, игра категорий позволяет устанавливать концепты и все обрабатывается разработкой концептов. Описание «примитивов», в которых их дух работает, как наш, предназначенный формировать концепты: австралиец не попытается осилить эму на охоте без того, чтобы держать кристалл во рту; мы осуждаем это явление, но австралиец убежден в своей правоте: он одолел эму *потому, что* держал во рту свой осколок горной породы. Аристотель ошибался, думая, будто его логический анализ греческого языка может сам по себе конституировать универсальную логику; но он был прав, говоря, что суждение предназначено формировать концепты.

Изучение какого угодно сообщества, насколько возможно глубоко, не позволяет никому и никогда делать выводов о человеческом менталитете в целом; но открытие новых концепций, новых категорий, не определяет малейшей ценности для истории человеческой мысли.

Обнаружены элементы австралийского языка в других языках. Антропология жителей Фиджи представляется равноценной австралийскому характеру. Вопрос пигмеев появился весьма сложно: пигмеи Малакки не представляют из себя ровным счетом ничего примитивного; пигмеи Габона и Огуйе являют собой проблему, т.к. они — удивительная смесь примитивного и не примитивного; пигмеи Итури являются почти что австралийскими корробори. Веды говорят о цингхали, которые исключают всякую идею о

«примитивизме». Остаются жители Андаманский островов, изученные Брауном⁸.

Пигмеи намного более прогрессивны нежели австралийцы, эти последние остаются достаточно примитивными хотя располагаются между ориньякской культурой и неолитом: австралийцы владеют шлифовальными камнями; и их камни представляют собой тип микролитический или неолитический. Тэйлор придумал найти *du prochelleen* у тасманийцев, но речь идет об инструменте в направлении производства. Раскопки мисс Бат в Юго-Западной Австралии дают точные результаты: палеолит верхний, практически неолит. Без сомнения, находятся в этом регионе феномены более элементарные, нежели в большей части человеческих сообществ, но определение «примитива» по отношению к этому региону является недостаточным. Австралийская цивилизация равна по возрасту европейской через отношение к петикантропу, все люди столь же древние как и другие. Стало быть, не стоит выискивать примитивности. Раскопки, практиковавшиеся у тода в Индии и считавшиеся долгое время наименее примитивными из людей, обнаружили прекрасную бронзу.

Цивилизация определяется по своему наибольшему и наименьшему богатству объектов, орудий и идей. Бедное общество останавливается на небольшом числе орудий и идей, каковых ему достаточно.

Прежде всего, не задавать вопросов теоретического плана, не размышлять — предшествует — ли ритуал идее, анимизм — натурализму или напротив. Тотемизм — является ли он универсальным феноменом? кажется возможным; но все ли можно здесь вычислить? Решительно нет.

Новые задачи, новые концепты возникают шаг за шагом. Спрашивается, главенствует ли индивид над коллективом? Но как представить себе общество, которое не включает в себя индивидов? И как, с другой стороны, вообразить себе человека, который не пользуется, более или менее, языком, не имеет идей, которые считает крайне оригинальными.

Изучение отношений между индивидом и коллективом надолго притягивает к себе внимание наблюдателя. В шаманизме, к примеру, пытаются выяснить, знает ли шаман заранее, что за животное он найдет в конце своего путешествия «туда», духа предков, который его выберет; ответ

⁸ Brown (A.R.) The Andaman Islanders. Cambridge, 1922.

утвердительный говорит о том, что человек готов благодаря правилам, которые задает ему тот или иной тотем.

...Подобным же образом, как эстетика определяется через прекрасное, как техника определяется эффективностью, экономика — отношением со стоимостью, право — с имуществом, религиозность определяется отношением со священным. В ансамбле сил, которые называются мистическими — мы говорим «мана», находится большое число тех, манна, которые священны; они конституируют религию *stricto sensu*, через оппозицию к другим, которые формируют религию *lato sensu*. Когда мой сосед чихает, я вежливо говорю ему: «Будьте здоровы!» — это из религии *lato sensu*. Если поистине я верю в серьезность эффекта, в опасность, которую являет собой чихание (которое означает отход души), ему говорятся слова, равносильные оскорблению: религия *stricto sensu*. Разница сравнима с той, которая разделяет свет от полутьмы.

Описание *мана* явилось совершенно универсальным. Нкиси от жителей Анголы, описанных Даппером, не различаются в этом вовсе, не более чем оренда от американских индейцев. Это был Кондрингтон, который сигнализировал о существовании описания *манна* у меланезийцев. Но слово само по себе и слово техники заимствовано полинезийцами через меланезийцев острова Банк. *Мана* означает авторитетность, и в то же время — духовность: является ли *мана* вещью или духом который пользуется властью над индивидом, но этот дух рассматривается как отчасти материальный. Идея, которая кажется нам противоречивой, потому что мы пришли к описанию противоречия между духом и материей; но стоит помыслить, чтобы концепция материи не всегда была налицо.

Трудности наблюдения являются многочисленными. Они относятся первым делом к привычности большинства религиозных явлений. Целые церемонии могут разворачиваться на глазах чужестранца, но он не *увидит* их. Профессор Дюбуа в своей книге о бетсилео⁹, показывает как, начиная с момента приближения туземца к дому, все становится религиозным; ничто внутри жилища не принадлежит мирскому, каждая вещь занимает фиксированное место, отец сидит всегда в глубине, справа; весь дом

целиком *направлен*. Также и хижины чукчей строго классифицированы.

Наблюдатель должен вообразить людей, которые живут круглый год как живет польский еврей в день Великого Прощения: нет ни одного акта внутри дома, который не нес бы религиозного смысла. Римский дом с его пенетралиями, представляет аспект почти идентичный. Наиболее простые общества могут быть в то же время наиболее сложными.

Важность религиозных феноменов варьируется в сторону ослабления или усиления в зависимости от общества. Многие общества, слабо религиозные, могут все же в какой-то степени обладать религиозностью.

В соответствии с Фестусом (текст, несомненно заимствованный из книги понтификов), *religiones stramenta errant*, «религии — это связки соломы» — это табу; и без сомнения также пучки соломы, которыми были связаны части *Pons Supplicius*, (здесь говорится о мосту, который понтифики должны были построить над Тибром). *Religio* имеет тот же корень, что и *religare*, «устанавливать связь, прикреплять», и это говорилось о пучках соломы.

Несмотря на обыденный характер религии, она есть абстрактный элемент в сознании следующего практике, главным образом в народных слоях или в конкретном уравнивании этого смысла с абстрактными описаниями. *Substantia*, «субстанция», не различается этимологически от «субсистенции».

Лучший метод наблюдения есть метод филологический, который заключается в сборе наибольшего количества текстов. Для этого нужно хорошо знать язык и наконец быть способным подмечать нюансы. В целом, изучающие примитивные религии могут представить себе, что в обществах, отличных от их собственных, не имеется нюансов, тогда как все является нюансом; что недоразумение, двусмысленность, игра слов, возникает в каждом мгновении (Ты, Пётр.). Религия это точка, которой помечается наибольшая разница соответственно в манере экстенсивной или интенсивной¹⁰.

Простой филологический метод — это тот, который заключается в углубленном изучении документов. Изучение символизма может увести очень далеко.

⁹ Дюбуа (П.) Монография о бетсилео. Париж, 1938.

¹⁰ Как пример исследований, приведенных методом филологии, приводим: Callaway (H.) *op. cit.*, Riggs (S.R.) *Dakota Grammar Texts and Ethnography*. Washington, 1893. Dorsey (J.O.)

Исследователь работает преимущественно не проводя опросов. Когда туземец поет перед ним, или рассказывает текст, он повторяет этот текст, с помощью о разъяснения каждого слова, каждого стиха информатором и требуя толкования полного текста. Это очень затратно по времени. Миф содержит в себе факты права, экономики, техники. Не станем забывать, что Илиада начинается с описания щита Ахилла.

В течение этой локальной церемонии надлежит примечать всех ассистентов; в идеале — добиться от каждого рассказа о том, что он поет или что играет. Наблюдатели могут быть интересны и если не обращать внимания на язык, потому как язык лишь (?) Единственно только владение языком не поможет распознать формулы ритма, стихов, которые по большей части мнемонические.

Случай объединяет весь этот материальный экстерьер, нужно найти мага, который поделится сборником своих формул с необходимыми комментариями. Эта работа должна быть проделана, предпочтительно по просьбе чужестранца, дозволенным у туземцев методом. В крайнем случае туземец может быть не информатором, а автором. Таким образом, Флеш, чистокровная ирокезка.

И член американского этнологического общества в течение сорока лет, взяла на себя обязанность перед индейцами осаж опубликовать все ритуалы осаж. Гевит, открывший нам нацию оренда, был ирокезом.

В области религии, больше чем в какой-либо другой, долгая близость единственно позволяет получить некоторые сведения. Таким образом, долгие расспросы часто весьма проблематичны в больших племенах или нациях.

Материальная регистрация вызывает множество комментариев, каждый из которых является лишь предлогом и отправной точкой психологического расспроса: так, никто не собирает живопись, не поинтересовавшись мифом этой живописи; не задав необходимых технических и эстетических вопросов. Один из эффектов религиозного феномена — это то, что он влечет за собой феномен эстетический. Опрос основывается на рисунках, фотографиях, фильмах и пр.

Не стоит бояться репетиций, пересечений, совпадений. Та же история относится к мифам, объектам, гаданиям. Но из этой же характеристики медленно всплывает аспект характеристики изучаемого общества. Дух цивилизации включает

все функции; это различная интеграция сложения суммы частей, единственно многочисленные совпадения позволяют приблизить его к этой интеграции.

Опрашивающий изучает каждую специальную религиозную группу: магов, прорицателей, высших сановников; также религиозные классы. У маори люди разделены на три «корзины» — подобное выражено и буддизме: в сумме, *варекура* — дом секретов, дом *акири*, аристократов, «тех, что владеют секретами»; низшие, простые *тохунга*, знающие меньше; и народ, который знает еще меньше. Когда констатируют присутствие большинства слоев инициации, приходится изучать также все остальные слои.

Катехизис появляется как одна из наилучших написанных на французском книг, но это не есть вся религия. Интересно добиваться текста катехизиса из уст иницируемого; и еще более интересно найти авторов катехизиса.

С другой стороны, исследователь может иметь ассистента к примеру в церемонии обусловленной определенным кланом; надо знать, не проводится — ли в соседнем клане другая церемония, возможно, дополняющая первую. Наблюдатель столкнется с трудностью в том, чтобы охватить все: увидеть всех актеров, узнать все ритуалы, все мифы. Для этого он действует через группы, года, пол, классы; через культ приватный и публичный; через место. Хороший каталог священных мест дает солидные элементы базы для дальнейшего исследования. Религиозный календарь необходим, скажем, культ плеяд широко распространен в субтропических странах, где взлет плеяд обозначает перемену сезона. Буддизм делит религию на 2 сезона. У эскимосов религия зимы отделена от религии лета.

Во время опроса непосредственно, когда нужно определить основной инвентарь, когда рассмотрены все тексты, все объекты, описывают различные церемонии, исследователь может говорить о религиозности, о душе, о богах, об отношении между ними, о суевериях, противоречиях, отсутствии или наличии религиозного чувства

Одна из наикрасивейших фраз о религии вышла из уст предпоследнего из мориори (они обитали на острове Шатхам на востоке Новой Зеландии).

Мориори были истреблены привезенным гриппом, чтобы вылечить их правительство Новой Зеландии отправило выживших на большой остров, где восстановиться было проще

всего; предпоследний был жрецом: «Мои соотечественники мертвы, сказал он, потому что мы были слишком *tapu*, и сосланные, мы не можем наблюдать *tapu*». Это мученическое присутствие духа, которое позволяет умолять больше, чем отречься.

Религиозные явления могут подразделяться на три группы: религия *stricto sensu*, религия *lato sensu* (сюда же магия и гадания) и, наконец, суеверия.

Религия *stricto sensu* характеризуется наличием понятия сакрального в чистом виде и обязанностями, точно также как и юридические феномены: в полном смысле слова человеком не являются, не пройдя обряда обрезания.

Понятие долженствования не введено в религию *lato sensu*, магию и предсказания: вы не обязаны быть причастным, но вы осведомлены в большем числе ритуалов: вы знаете, что такое дама червей, валет треф — каждая карта играет определенную роль. Все заранее установлено; магия и предсказания тоже могут обладать собственной кодировкой.

Наконец, подобно обширному сиянию вокруг ядра, которое составляют религия и магия, выступает фольклор и народные верования. Таковые наличествуют даже у австралийцев. Это то, что называют нелюбимым словом «предубеждения»; к примеру, носить на себе картофель, для того, чтобы синовия обманулась и ушла в эту картофелину, а не в колено — подобная народная магия отнюдь не та же, что и «профессиональная».

Можно делить иначе: на ритуалы и практики, мифы и репрезентации; наконец — на структуру и организацию. Повсюду есть религиозная организация, ровно как и юридическая.

Вмешаемся также в разделение на классы по возрасту; секретные общества; жречество и отсутствие такового; в кланы, в тотемы.

Как бы то ни было, во всей группе социальных явлений всегда находится группа людей, у которых есть собственные практики и репрезентации. Описание заканчивается тогда, когда три закона всесторонне изучены и когда отношения между ними тремя ясны.

После, благодаря этим разделениям и по мере изучения организации в группе, которая совершает тот или иной ритуал, можно определить интенсивность и распространенность каждой религии: племенные культы; культы национальные в случае более сложных обществ — так, в Судане праздники перемещаются во времени, также в племени

пуэбло, все происходит как в наших деревнях, где ярмарки меняют место. И наконец, интернациональная религия.

Также можно изучить адаптацию между христианством и шаманистскими религиями, например их усвоение кланами шошонов и сиу¹¹; распространение и интеграцию, перейдя к убийствам на территориях от границ Новой Мексики до Канады и долины Миссури.

Специальные культы могут распространяться на значительные дистанции.

Различают наконец культы приватные и публичные; и в приватных — культы строго индивидуальные. Приватные культы часто в необходимости не уступают публичным.

Ритуалы

Мы изучили культы, а таковые можно сказать идут вкуче с ритуалами. Иной метод наблюдения заключается в изучении различных ритуальных частей, то есть ритуалов в качестве самих ритуалов, и разделения их на крупные категории.

Весь ритуал сообщается с религиозной репрезентацией, каковая всегда стоит за религиозным актом, как и за ритуалом; и этот акт совершается установленным индивидом — священнослужителем или коллегией священнослужителей.

Вместе: ритуалы, религиозная репрезентация и религиозная организация, дают картину религиозного института в изучаемом обществе. Репрезентация не является только идеей: все факты верования, включая действия, репрезентативны. Весь ритуал соотносится с репрезентацией.

Для удобства изучения, мы разделим ритуалы на позитивные и негативные. Не-деяние это еще одно действие, восприятие — еще один акт, это не феномен отрицания. Павлов к теперешнему моменту доказал несомненность этого высказывания; сегодня говорят, что акты восприятия локализируются на уровне срединного мозга а не в кортикальном слое. Вы не сможете сделать определенную вещь, находясь снаружи определенных обстоятельств, акт запрещения находится перед действием.

Другое разделение существует на ритуалы «мануальные» и «устные», мануальные здесь трактуются в наиболее общем смысле как «теле-

¹¹ Cf. Mooney (J.) The Ghost Dance Religion and the Sioux Outbreak of 1890, US Bureau of American Ethnology 14-th Annual Report.

сные». Эти два способа деления пересекаются. Мы получаем таким образом устные табу и устные предписания; и ритуалы телесные, позитивные и негативные.

Мы еще недостаточно привыкли к этому двойному делению. Фрэзер в «Табу и риске души», отмечает все табу в сторону, Малиновский делает то же самое. Но позитивный ритуал обычно имеет и негативную форму; и наоборот, в каждом негативном есть момент позитивности: уступать дорогу старшему есть негативный жест, но таковой трактуется как признание старшинства, что является действием позитивным.

У Гонолулу никто не должен приступать к рыбе до тех пор, пока царь не поймает первых рыб в косяке: это ритуал позитивный, так как для начала позволения имеется король, десакрализирующий косяк рыбы.

Недоработанный каталог табу безинтересен, каждый раз приходится задавать мотивы ритуалу, который по сути акт коллективный, но акт преднамеренный; всегда нужно усиленно познавать эти намерения.

Мануальные ритуалы

Приниматься за изучение стоит с наиболее легко наблюдаемых фактов — с описания всего поддающегося описанию. Комплексная работа подчас трудна, очень трудна: молодой человек, который танцует, приготовлен к этому в определенных условиях, танцует в определенных условиях, заканчивает также. Все это должно быть изучено со стороны положительного и отрицательного: кого он персонифицировал и в каком звании, с кем танцевал он и пр. Это основное правило для всех публичных культов и для культов частных. Описываются все объекты ритуала, все общественные праздники, все индивиды, помогающие на празднике. Описывая религиозную ассамблею или публичный ритуал, тем более крупный ритуал, никогда не забывается перечисление имен присутствующих, имен актеров и их ранга. Просто назвать имя не указав ранг недостаточно: когда Папа поднимается в ложу, обращаясь к общности верующих, не говорится о господине Пачелли, обращающемся к жителям Рима. Так что нужно знать, кто действует, из какого ранга и кого включает этот ранг. Все ритуалы в какой-то степени функциональны, посвящения природе функциональны, а общественные явления по определению функциональны.

Трудности наблюдения заключаются в характере секретности и одновременности ритуала: в крупном ритуале в одно и то же мгновение 15,20 человек действуют различным образом. Чтобы описать и разъяснить, прибегают к зарисовкам, фотографии, кино. Нельзя игнорировать ритуальные приготовления, которые могут быть исключительно долгими: приготовления к игре в мяч у индейцев чероки длятся много недель. Наконец, нужно видеть все детали: официант пользуется правой рукой, а не левой, почему?

Ассистенты поднимаются, садятся, задерживают дыхание. Все имеет свое значение, тишина это тоже знак. Бесполезно делать различие между народным ритуалом и другим — подобные различия проявятся сами собой.

Наблюдают также ритуалы через материал или место культа. Следует записывать приготовления, все религиозные объекты, их изготовление, их освящение: возложение обязанностей на идола в Индии может потянуть за собой баснословные жертвоприношения. Религиозное музееведение дает интересные результаты. В качестве первоматерии описывают религиозную природу; умонастроение производящего; снимают мерку со всех религиозных статуй, всей живописи и со всех временных изображений, которые, как правило, забываются; украшения из перьев, роспись по телу; наконец все символы, классифицированные объекты, следующие своей природе и следующие своим функциям. Священнодействие не описывают, не дав полный список используемого материала. Если священнодействие сопровождается приемом пищи, материал кухни для изготовления этой пищи. Левит дает нам модели подобных описаний. Для каждой вещи описывается любое использование, для которого она может служить с возможными ограничениями этого использования: к примеру, посуда для еврейской Пасхи; посуда летняя и посуда для зимы. Следует описать весь инструментаж посвящения, очищения, инициации. Описать все, включая похоронный ритуал, сопровождаемый умерщвлением больших и маленьких животных, ритуал основной и его развязку и пр.

Большая часть обществ не справляет свои культы в каком попало месте, но в местах помеченных мифом, который объясняет, почему подобное посвящение справляется именно в этом месте. Священные места влияют на священные объекты, которые сами по себе являются перманентными ритуалами. Надо заметить все места,

все каменные насыпи, все священные деревья, все пенетралии: колдун не действует неважно где. Изучение места позволяет увидеть, где что находится и где что происходит. В Меланезии наблюдается культ рыбы, который соотносится с похоронным обрядом; речь не идет о любой рыбе, но лишь о той, которая посещает определенный квадрат в море. Ритуалы таким образом отсылают следовать объектам и местам.

Объекты ритуала соотносятся со временем. Заметить время праздника, священное время посвящение года священному времени — (*ver sacrum* у римлян.) Римляне вели войну весной, германцы — после сбора урожая.

Праздник — это священное время и священнодействие. Все виды вещей соотносятся в празднике. «Феерия» — возникла из двух вещей — из «веры» и «праздника». Местонахождение, день веры и пр. Установление религиозного календаря часто проливает свет на весь ритм системы коллективной жизни или наблюдаемой религии; определенный ритуал исполняется в определенный день, час, в определенном месте.

Достигается точность мануальных ритуалов простых и сложных; простые, весьма многочисленные, включаются в многосложные. Простые ритуалы легко делятся на простые позитивные (к примеру, обряд посвящения: возложение руки, благословение, латинская манципация) и простые негативные. Ритуал позитивный может прибавить негацию: разбитие яйца для закрепления клятвы есть акт негативный, с разбитием яйца душа клятвы уходит. Все обстоит так же с ритуалами при участии крови, плоти и волос.

О множественных посвящениях, с разрушением части объектов: эта часть прямо относится с объектами и священными существами *de l'audela*: таким образом это описывает посвящение которое также сможет называться системой посвящения. Речь не идет об интерпретации посвящения, о знании было ли прежде всего приношение или отрицание (*do ut des*, формула закрепленная в санскрите задолго до латыни); на деле я не имею иного способа коммуникации с богом, который трансцендентен, кроме как отправить ему дым, запах которого ему нет надобности вдыхать: это идолы вдыхают запах священнодействия, он же этого не выносит; что ему важно — так это чистота израильская. Отсюда все ритуальные освящения, начиная со связи с кровью, посвящение согласия, посвящение общественное, посвящение искупительное и т.д.

Устные ритуалы

Другое объединение ритуалов образовано ритуалами устными. Великое заблуждение состоит в том, чтобы считать за молитву все устные ритуалы, все сочетания слов, ритмы и поэзию, которые сопровождают ритуал или сами по себе являются ритуалом, а ритуал всегда является формуляром. Крупнейшая формула в буддизме — когда тибетцы нескончаемо повторяют своими молитвенными мельницами молитву или вербальный ритуал.

Устные ритуалы включают музыкальные инструменты, как мануальные ритуалы включают все объекты культа, священный нож, сделанный из камня. Ритуальная формулировка всегда наделена определенной дозой полезности, нет формулы, которая не была бы в какой-то мере магической.

Различать магию от религии через их дологический характер, как того хотел Фрезер, ошибочно.

Великая доктрина Церкви, адаптированная католиками в равной степени с протестантами, заключается в том, что Бог слышит все молитвы; он свободен в том, чтобы не внимать всем просьбам, но не свободен в том, чтобы их не слышать: слышать не значит исполнять.

Сила зла в них, также как и в хороших, существует относительно верующего с глазу на глаз с ним. Дьявол *сам себя просит*, Мефистофель necessarily привязан к Фаусту.

Молитвы разделяются на простые и сложные. Находка молитвы в откровении, формулировании. Очень часто, на архаическом или секретном языке, австралийцы сами про себя говорят «латинская месса»; в формулах Арунты находят архаизмы в двух случаях из трех, а в заимствованных соседних языках менее одного случая из пяти.

Имеется секрет в языковых изысканиях; специальные языки — это много чаще правила, чем исключения. Христос говорил по арамейски; иврит долгое время не был в ходу — на нем пели Талмуд.

Санскрит различает формулы в формулах пения, чтения псалмов и ритуальных формул, которые есть различные порядки, придаваемые священнодействию; наблюдатель воспользуется аналогичным различием, не забывая комментировать каждую молитву. Толкование может быть важнее самой формулы, которая, очень короткая, может вкратце изложить огромную:

буддийская формула *om mane padme om* резюмирует 80 книг тибетского буддизма. Наблюдатель фиксирует формулы на дисках, сопровождая эту регистрацию философским этюдом. Он запишет использование каждой формулы — использование, которое может эволюционировать в индивидуальное, торжественное. Репетиции могут быть бесконечными. Не забудем, что четки пришли с Тибета: тибетцы живут в духе звучности ритуальных формул.

Весьма часто, в формуле описывается объект, который преследует индивид, совершающий обряд; акт просительный, заклинающий. Цель священнодействия состоит в том, чтобы отложить вещи, и в первую очередь вещи наиболее священные; отпустить богов, отвернуть богов, делая то, что нужно делать для них. Греческое понятие *Αροτρο-ροραυον*, которое обнаруживается в санскрите: человек *расплачивается*, совершает посвящение, чтобы освободить бога. Невозможно есть новый хлеб, если первые плоды не были подарены богам.

Звук, дыхание, жест могут быть молитвой в той же степени, что и слово. Мифология очень важна.

Каждый раз, отмечая молитву, нельзя забывать записывать ручной ритуал, который ее сопровождает, и ее символизм.

Описывают также ритуалы относительно имен, имен собственных, имен коллективных, и секретных; обязательность использования этого слова; метафоры и лингвистические запреты.

Большая часть символизма в писаниях: если я пишу символ, это для того чтобы вы меня поняли, это результат условленного договора между нами.

Изучают общность сообщений, переданных через частицы предписания, символизм покрывал индейцев сиу из бизоньих шкур и пр.

Отрицательные ритуалы

Я подхожу к табу, о которых мы уже говорили.

Мы встретим их в религиозном календаре, в религиозных объектах. Мы уже знаем, что негативный характер религии столь же важен как и позитивный, они дополняют друг друга. Религия состоит из ансамбля противоречий.

Первая работа состоит в том, чтобы составить каталог этих противоречий, взять каждое табу последовательно после другого со всеми возможными комментариями — почему можно или же почему нельзя делать ту или иную вещь?

Описывают все табу лингвистические и мануальные: военный не имеет права при приветствии приподнимать головной убор.

В отношении каждого табу изучают его природу; его объект; и наиболее специально его санкцию, которая может быть наложена людьми или богами, которая может и не физически наложена богами. Индивид призывает себя сам к санкции, порой даже смертельной; это форма мученичества.

Человек считает себя потерянным если он нарушил свое табу, это скрупулезное описание, которое играет в религии важную роль, если не фундаментальную, как того хотел Райнах, который говорил, что табу есть определяющее в религии. Другое фундаментальное замечание, связанное с совестью, это описание страха и уважения, по-английски.

Страх и уважение, которым подвергаются перед бесчисленными природными явлениями, перед королем, перед богами. Человек, который нарушил табу у банту, говорит себе: *hlanira*, «стыдись». Чувство совестливости и чувство стыда — санкции табу.

Можно изучать здесь всю градацию чистоты и порока, добра и зла, сакрального и профанного. Последствие этой классификации может дать своеобразные результаты; Геродот прекрасно прочувствовал это в описании Египта: какие-то люди испытывают уважение к какой-то вещи, другие его не испытывают — и наоборот. Нет ничего более произвольного, более своеобразного и экстраординарного, чем классификации; нет ничего более дикого в нашем языке, чем жанр грамматики.

Табу относится к форме ритуального запрета. Табу находится выше всех обстоятельств: если христианин разговляется во время поста, это для того чтобы хорошо поесть на Пасху; голодать в пятницу это такой же отрицательный ритуал как и положительный.

Мы всегда представляем запреты в строгой форме десяти заповедей: да не убьешь, да не пожелаешь жены своего соседа, ни его осла — мы поддерживаем ритуальный запрет неукоснительно и категорично; это есть в огромном количестве случаев, но слово «неукоснительно» почти всегда излишне. Воздерживаться в пост, чтобы не воздерживаться в другое время, в этом есть локализованный императив. Одни — те, кто ищет тотальной святости, поворачиваются к строгой дисциплине (вроде буддийских монахов);

но чисто психологическая интерпретация аскетизма столь же ошибочна, как и социологические интерпретации его.

Различают табу простые и сложные, большие комплексы празднеств или инициации, молодой Арунта не видит всех табу раньше достижения 30 лет. Можно также классифицировать табу по их объекту. Необходимо, чтобы создать каталог, адаптировать классификацию табу, взять принцип какой-либо классификации; но этот принцип не должен следовать «чистому листу»; нельзя прятать подлинную природу табу.

Не надо забывать, что табу могут быть не только мануальными или устными, но также и интеллектуальными: «Ты не должен страстно стремиться к чему-либо».

Описание греха и искупления есть описание важное, которого можно лишь коснуться. Ритуалы искупления часты и всегда значительны.

Описывают наконец все телесные табу: правила касающиеся шума, чихания и пр.

Перевод фрагментов М.Н. Пророковой

Список литературы:

1. Mauss M. Manuel d'ethnographie. Edition Payot & Riveges pour la presente edition. Paris, 2002.

References (transliteration):

1. Mauss M. Manuel d'ethnographie. Edition Payot & Riveges pour la presente edition. Paris, 2002.